

МАСТЕРА УЖАСОВ

ДЖОН ЛЭНГАН
ДОМ ОКОН

Джон Лэнган
Дом окон
Серия «Мастера ужасов»

Текст предоставлен издательством

<https://litres.ru/56288179>

Дом окон: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-113559-1

Аннотация

Когда Роджер Кройдон, профессор английской литературы и знаменитый исследователь творчества Чарльза Диккенса, бесследно исчезает, все подозрения падают на его молодую жену, Веронику Кройдон. Вдова хранит молчание, пока в поместье Кройдонов, странный и загадочный Дом Бельведера, не приезжает молодой автор хорроров и не становится невольным слушателем ее исповеди. То, что он узнает, станет самой необычной и зловещей историей о доме с привидениями, о сделке с преисподней, о проклятиях, о необычных формах жизни и иных мирах. Историей, чьи истоки уходят в глубь веков, а география простирается от маленького городка в долине Гудзона до Афганистана.

Содержание

Благодарность	5
Прелюдия. Истинное лицо	8
Часть I. Общая Странность	38
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Джон Лэнган

Дом окон

John Langan

HOUSE OF WINDOWS

© John Langan, 2009

© Анастасия Колесова, перевод, 2020

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Все имена, персонажи, места и события, представленные в данной книге, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными личностями (живыми или умершими), событиями и местами являются случайными.

Посвящается Фионе

Благодарность

Первый черновик романа был написан в нашей крошечной прачечной в доме, где я жил со своей женой и тогда еще новорожденным сыном. Как и все новоиспеченные родители, мы мало спали и были постоянно напряжены. И все же каждое утро, иногда час, иногда полтора или два, Фиона занималась Давидом, пока я работал над созданием еще одной страницы, которая бы присоединилась к стопке на моем пошатывающемся столе. После, когда рукопись была закончена и напечатана, Фиона прочла ее и высказала свое мнение. Дважды. На тот момент я не был так глубоко благодарен ей, как следовало бы. И без поддержки моей жены эта книга никогда бы не была выпущена. Спасибо, любимая.

Как только роман был закончен, его прочло много людей: мой младший брат Роб, Джон Джозеф Адамс, Кит Бадовски и Хелен Пилиновски, – все они высказали слова поддержки и одобрения, в которых я зачастую очень нуждался. Первой части романа пошли на пользу точные критические замечания писательского кружка Уолкилла, в который входят Бретт Кокс, Хайнц Инсу Фенкл, Розеда Молина, Вероника Шанос и Роберт Во (и его жена Каппа, обладающая ангельским терпением). Благодаря их безжалостным комментариям, в книге стало на пятьдесят процентов меньше точек с запятой.

Этот роман был своеобразной передышкой от написания

другого произведения. Когда я осознал, что текст, запланированный изначально как новелла, превращается в целый роман, мой агент, Джинджер Кларк, без колебаний приняла подобные изменения, несмотря на то, что они в корне меняли наш намеченный план работы. Джинджер боролась за эту книгу с самого начала, и во многом благодаря ей вы и читаете сейчас эти слова.

Найти дом для этой книги было непросто: любителям жанра ужасов не нравились литературоведческие вставки, а литературоведам пришлись не по вкусу ужасы. Джереми Лассен из издательства Night Shade Books прочел роман, понял и высоко оценил то, что я в него вложил, и приобрел рукопись. Было бы преуменьшением сказать, что я благодарен ему, особенно потому, что Night Shade Books публикует работы таких прекрасных писателей, как Лэрд Баррон, Грэм Джойс, Джоэл Лейн и Люциус Шепард. Приятно видеть себя в одном ряду с такими именами. Я также в долгу перед Россом Локхартом за то, что он терпел мои безумные требования.

Моя семья – мои сыновья Ник и Давид, моя мама, мои братья и сестры (родные и двоюродные), племянники и племянницы – не переставая оказывали значительную поддержку. Дружба с Лэрдом Барроном, Майком Циско, Сарой Лэнган и Полом Тремблей также оказала большое влияние на роман. За последние годы я слышал добрые слова и от более известных писателей, среди которых Брайан Эвенсон, Джефф-

фри Форд, Элизабет Хэнд и Люциус Шепард. И за это я им очень признателен.

И, наконец, это ты, читатель; кем бы ты ни был, ты уделил мне свое время и внимание – два самых ценных ресурса. Без тебя этого романа быть не могло, и я благодарен тебе за это. А теперь возьми меня за руку, и я постараюсь предложить тебе взамен нечто достойное.

Прелюдия. Истинное лицо

Образ сестры, неподвижной в своем кресле у огня, преследовал меня днем и ночью. Мысль, что ее место в кухне опустело, просто не укладывалась в голове; и хотя последнее время я почти не думал о ней, теперь мне постоянно чудилось, что она идет мне навстречу по улице или вот-вот постучит в дверь. Даже в нашу квартирку, с которой она уж никак не была связана, вошла пустота смерти, и мне постоянно мерещилось то лицо сестры, то звук ее голоса, словно она была жива или при жизни часто здесь бывала.

Чарльз Диккенс. Большие надежды

Думая только об одном, он по-прежнему видел перед собой одно безжалостное чудовище. Все предметы взирали мрачно, холодно и мертвенно на него, а он – на них. Во всем он находил напоминание о своей горе. Все, все без исключения выступало, бессовестно торжествуя над ним, и раздражало и задевало его гордость и ревность, какую бы форму ни принимало, – и сильнее всего, когда оно разделяло с ним любовь к его умершему мальчику и память о нем.

Чарльз Диккенс. Домби и сын

– Все меня спрашивают, что я думаю о том, что случилось с Роджером, – сказала Вероника Кройдон, – и, если в ту же

секунду я не даю ответа, все с радостью начинают предлагать собственные варианты. Может, у него случился инфаркт во время прогулки? Как будто у полиции не было подобной версии, и все эти обширные поиски в лесу устраивались просто так. Как будто в шестьдесят пять сердце превращается в бомбу замедленного действия. Если не инфаркт, то, наверное, инсульт или какая-нибудь аневризма. Как будто это не Роджер пробегал каждый день пять миль и выглядел на двадцать лет моложе. Уж мне ли не знать.

Она передала мне вымытую тарелку, которую я вытер полотенцем. Я ответил:

– Ты же понимаешь, что...

– Они намекают, что его вымотал наш брак?

– Нет, – сказал я, хотя доля правды в ее словах все же была. Вероника Кройдон познакомилась с будущим мужем в магистратуре: она была младше Роджера почти на сорок лет и моложе его сына от первого брака.

– Нет, – повторил я, поставив тарелку в сервант. – Я хотел сказать, что сердечный приступ может случиться в любом возрасте.

– Может, – согласилась Вероника, – но не в этом случае. Если бы ты только слышал, как все об этом говорят: понижают голос, будто собираются начать разговор на деликатную тему – о нашей сексуальной жизни, – и, знаешь, в каком-то смысле так и есть. Они не знают границ.

– Но их я еще могу стерпеть, – продолжила она, переда-

вая мне следующую тарелку. – Хуже только те, кто прямо заявляет, что Роджер «не иначе как ушел к другой». Семьдесят процентов считают, что он вернулся к Джоан, оставшиеся тридцать – что нашел кого-то помоложе. Как будто никто не знает, что на момент нашей встречи Роджер с Джоан уже давно жили как соседи; как будто это не она из кожи вон лезла, чтобы расстроить наши отношения; как будто не было развода, и как будто каждый из них не жил своей жизнью. Ты знаком с ней? Ты ее хоть видел? Конечно, видел и знаешь. Роджер никогда бы не променял меня на *это*. Стало быть, кто-нибудь помоложе? Я тебя умоляю! Как будто его привлекал только возраст; будто у него был фетиш, как у какого-нибудь похотливого старика.

Признаться, подобные мысли приходили в голову и мне, и моей жене, Энн. Да и не только нам: так, полагаю, думал весь факультет английского языка университета штата Нью-Йорк на Стэйтен-Айленд; так думали все, кто знал Роджера Кройдона. Услышав эти версии из уст Вероники, я, однако, почувствовал себя виноватым. За то время, за все полтора года, что прошли после исчезновения Роджера, мы не поддерживали с Вероникой никакой связи; не писали электронных писем, а что уж говорить об открытках или о звонках по телефону. Мы не говорили с ней, но говорили о ней – друг с другом, с друзьями, – обсуждали возможные причины исчезновения ее мужа – и те, что она перечислила, и другие, более причудливые. Что, если он вступил в секту? А может,

перешел дорогу наркоторговцам? Или потерял рассудок, и его тайно упекли в дурдом? Подобные пересуды не утихали месяцами и обязательно всплывали в любой компании; и пусть я испытывал к подобным разговорам неприязнь, но все же активно в них участвовал. Конечно, с Вероникой было сложно найти общий язык, и легче было говорить о ней, а не с ней, но теперь это представлялось мне крайне шатким оправданием. Поставив очередную тарелку на гору ее предшественниц, я сказал:

– Понимаешь, Роджер стал таким... непредсказуемым. После того, как убили Теда.

Услышав имя своего покойного пасынка, Вероника замерла и устремила взгляд в окно над раковиной, по локоть погрузив руки в мыльную воду. Тьма ночи и свет кухонных ламп превратили стеклянную поверхность в зеркало, и Вероника видела только свое отражение: длинные рыжие волосы, убранные в хвост, резко очерченные косметикой скулы (хотя ужин проводился в довольно узком кругу: приглашены были всего шестеро гостей, не считая ребенка), карие глаза, проступающие из-за зеленых линз, и серьги-подвески с небольшими металлическими дисками. Она поджала губы, накрашенные бледно-красной помадой, и сказала:

– Тед.

– Прости, я не хотел...

Вероника взмахнула рукой, заставив меня замолчать, и пена разлетелась по всей столешнице.

– Знаю. Не спорю. Так все и было. И, да, Роджера это довело.

Она невесело засмеялась.

– Ты даже не представляешь, до чего.

Потом повернулась, и я с удивлением заметил, как по ее щекам текут слезы.

– Все меня спрашивают, что я думаю о том, что случилось с Роджером, – сказала она, – но дело в том, что я *не думаю*. Я *знаю*, что с ним случилось.

– Что? – я стоял, пораженный; Вероника утерла слезы тыльной стороной ладони, всхлипнула и принялась снова мыть посуду. Получается, она знала, что приключилось с ее мужем, но никому об этом не сказала ни слова, даже полиции, насколько мне известно... Невероятно. Вероника, не глядя, подала мне последнюю тарелку, и та, выскользнув из рук, чуть не упала на кафельный пол, если бы я не успел подскочить и вовремя ее подхватить. Только тогда, когда я крепко держал тарелку в руках, дар речи вернулся ко мне:

– Ты знаешь?

– Знаю.

– Но, – я взмахнул тарелкой в воздухе, – почему ты никому не рассказала?

Вероника протянула мне пригоршню столовых приборов. Заметив, однако, что я не закончил сушить тарелку, она положила ножи и вилки обратно в раковину и, вздохнув, ответила:

– Потому что это невозможно. В то, что случилось с Роджером, невозможно поверить.

– Я не понимаю, – сказал я, в конце концов убирая тарелку в сервант и закрывая дверцу. – Если ты знаешь, где сейчас Роджер...

– Роджер мертв. Он умер два года назад.

Либо это был какой-то неприятный розыгрыш, либо Вероника пыталась довольно размыто донести до меня правду о случившемся. Два года назад в Афганистане погиб Тед – вот что, возможно, она имела в виду.

– Безумие, правда? – после небольшой паузы добавила она.

Я решил быть честным:

– Я не совсем понимаю.

– Что ж, – ответила Вероника, протянув мне столовое серебро, – я не удивлена.

Пока я вытирал приборы и укладывал их в ящик, она добавила:

– Но не расстраивайся. Вряд ли бы кто-то смог понять. Хотя «понять» – не совсем точное слово. Вряд ли бы кто-то поверил. Представляю, какие бы ходили сплетни. Обо мне и так уже достаточно судачат. Чего сейчас не хватало, так это чтобы на меня смотрели и говорили: «Вон, идет сумасшедшая Вероника. Вы слышали, что она говорит о пропаже своего мужа?»

Она вручила мне последнюю пару приборов и вынула

пробку из слива раковины. Ополоснув руки, она спросила:

– У нас еще осталось вино?

– В холодильнике есть немного белого.

– Замечательно.

Пока она брала из шкафчика бокал и доставала вино, я закончил свое дежурство по кухне в качестве сушителя посуды и повесил полотенце.

– Пожалуй, мне пора в кровать, – сказал я, направившись к лестнице.

– Эй! – окликнула меня Вероника. – Ты куда?

– Спать. Поездка была утомительной, и Робби в последнее время беспокойно спит – у него все еще режутся зубы, – так что мне лучше быть рядом, на случай, если он проснется.

– Перестань, – сказала Вероника. – Не уходи. Останься, выпей бокал вина.

– Спасибо, – начал было я, – но я не очень люблю вино. Для желудка...

– Тогда стакан воды. Не верится, что все уже разошлись по комнатам. Еще нет и десяти.

– Тяжелый день, – сказал я. – Тут есть кабельное...

– Я не хочу смотреть телевизор. Я хочу поговорить.

Я чуть было не ответил, что всегда можно кому-нибудь позвонить, но пробивающиеся в голосе Вероники жалобные нотки заставили меня промолчать. Заметив это, она добавила:

– Давай так: ты недолго посидишь со мной, и я объясню,

что имела в виду. Я расскажу тебе, что случилось с Роджером. Ты ведь пишешь эти странные истории? Тогда ты точно захочешь услышать мою. Она по твоей части.

– Что, прости?

Сложно было сказать, что меня смутило больше: то, как непринужденно и открыто Вероника предложила рассказать историю, которую, как она утверждала несколько минут назад, никогда не предаст огласке и у которой может быть только несчастливый конец, или же то, что она предлагала ее мне здесь и сейчас. Мы не были друзьями; я предложил вытирать чистую посуду еще до того, как узнал, что Вероника будет ее мыть. Если я и поддерживал беседу, пока каждый из нас выполнял свою часть работы, то только из вежливости. Трудно было поверить, что своими нечастыми репликами в ответ на ее почти непрерывный монолог я заслужил право услышать ее историю.

Но, по-видимому, так оно и было.

– Я сказала, что расскажу тебе, что случилось с Роджером. Прошло полтора года, и кажется, что мне нужно рассказать кому-то о произошедшем, несмотря на то, что об этом могут подумать. Как будто... Ты католик?

– Епископалец.

– У вас же есть исповедь?

– Есть.

– Хорошо. Знаешь, мне будто нужно исповедаться. Не потому, что я совершила что-то плохое, мне просто нужно про-

говорить все то, что произошло. Я хочу услышать, как я произношу это вслух.

– Понимаю, – ответил я, – но почему со мной? Разве Эдди...

– Эдди решит, что я слетела с катушек, – прервала меня Вероника. – И ты, скорее всего, тоже, но она – моя подруга, а друзей у меня почти не осталось. Я не смогу. Если ты решишь, что я спятила, – что мне до этого? Проще говоря, ты оказался в нужное время в нужном месте.

– И ты не боишься, что я могу кому-нибудь рассказать? – спросил я.

– Ты мог бы, – ответила Вероника. – Но я прошу тебя этого не делать.

– Хорошо, – заключил я, рассудив, что, если мы расположимся в гостиной, то окажемся прямо под нашей с Энн спальней. Как только Робби проснется, я услышу его и вмиг взбегу по лестнице до того, как он начнет реветь. – Если ты уверена...

– Не волнуйся, – сказала Вероника, – ты все равно не поверишь тому, что я тебе расскажу.

С бутылкой в одной руке и бокалом в другой Вероника направилась через кухню и столовую в гостиную. Я устроился в кресле-качалке; она поставила бутылку и бокал на низкий кофейный столик, стоявший у мягкого дивана в бело-голубую полоску. На мгновение Вероника задержала взгляд на окне за диваном, а затем, повернувшись ко мне, сказала:

– Давай так: сначала я быстро схожу в душ, а потом начну рассказ. Чтобы расслабиться. Никуда не уходи. Я сейчас вернусь.

Не дожидаясь ответа, она устремилась в ванную комнату. Затем я услышал, как дверь в ванную закрылась.

Порядком раздраженный, я встал с кресла и подошел к подножию лестницы, но любопытство заставило меня остановиться. «Никогда не отказывайтесь от истории» – сколько раз я повторял этот завет своим студентам на курсах писательского мастерства? И на тебе: мне предлагают сведения, которые, по меньшей мере, могут служить материалом для рассказа, и, возможно, даже романа, а я не могу подождать и десяти минут? Я возвратился в кресло.

Эту ночь я представлял себе совсем по-другому. Пятичасовую поездку из Гугенота в летний домик наших друзей Эдди и Харлоу на мысе Кейп-Код мы с Энн организовали в качестве подарка самим себе – поездка пришлась на время весенних каникул, которыми наши студенты университета штата Нью-Йорк наслаждались во Флориде или Мексике, – а еще хотели познакомить нашего десятимесячного сына Робби с местом, которое так много значило для нас; с домом, где зародился наш брак, и в который мы с тех пор возвращались еще не раз. Мы знали, что к нам присоединится Ли, вырвавшаяся с Манхэттена на все выходные, но о том, что компанию нам составит еще и Вероника, узнали только тогда, когда подъехали по песчаной дорожке к дому и заметили припар-

кованную «Фольксваген-Джетту». Само присутствие Вероники было свидетельством неисчерпаемой щедрости Эдди. После того, как Роджер развелся с Джоан – скандал намного драматичней и запутанней, чем описывала его Вероника, – Эдди была единственной из его друзей, кто продолжил общение; верность Эдди была достаточно глубокой, чтобы ее хватило и на бывшую студентку, из-за которой, собственно, и случился развод. После исчезновения Роджера Эдди навещала Веронику, а Вероника навещалась к ней и Харлоу. Когда я сказал Эдди, что ее действия можно трактовать как акт милосердия – либо физический, либо духовный, – она, вздохнув, ответила:

– На самом деле, Вероника – очень приятный человек. Она через многое прошла. Она не хочет об этом говорить, но, по-видимому, с Роджером в последнее время они были не в ладах. Насколько я могу судить, он, до того, как пропал, переживал длительный нервный срыв, и, хотя Вероника всеми силами пыталась с этим справиться, для нее это было слишком. Кажется, она думает, что он ушел из-за нее.

Несомненно, Вероника смогла уместить процесс, который обычно занимает два десятка лет, в почти четверть этого срока, но даже это не помогло мне относиться к ней с той же отзывчивостью, что и Эдди. Моя личная антипатия к Веронике не была вызвана каким-либо плохим или обидным поступком с ее стороны. По правде говоря, мы никогда не были близки. Все было намного проще. Мы познакомились на

вечере, устроенном кафедрой английского языка, в ее первый семестр магистратуры. Мы обменялись парой фраз, и я был поражен тем, какое чрезмерное впечатление она производила – во всех смыслах. Все присутствующие демонстрировали как минимум тринадцать повседневных комбинаций одежды, в то время как на Веронике было черное коктейльное платье, шпильки, жемчужное ожерелье и серьги. Пока в отдельных группах, окружавших нас, люди жаловались на флегматичных студентов и маленькую зарплату, наш разговор с Вероникой вертелся вокруг поэзии Эмили Дикинсон, над которой, по словам Вероники, она «размышляла».

Зимний день, и свет другой
Как собор поющий...

За нашу недолгую беседу Вероника рассказала, что закончила – с отличием – университет Пенроуз и писала дипломную работу по Дикинсон и Готорну. Сначала я принял ее манерность за последствия четырех лет, проведенных по ту сторону реки Гудзон в блужданиях по увитым плющом залам. Когда я вспомнил о студентах и преподавателях из Пенроуз, с которыми был знаком, это убеждение быстро рассеялось. По сравнению с нами они были еще большими пролетариями, хоть и более сознательными и самовлюбленными. Мне пришло в голову, что Вероника (на тот момент она была для меня «той магистранткой») все еще живет фантази-

ей о том, какой должна быть кафедра английского языка, и настойчиво склоняет нас к своему видению. Позже, когда я высказал несколько едких замечаний о ней Энн, тогда еще моей невесте, та прозвала ее Вероникой Дориан, и, засмеявшись, объявила, что я просто завидую, что кто-то оказался еще большим снобом, чем я. Энн разделяла щедрость Эдди; прочитав курс современного американского романа для группы, в которой училась Вероника, моя жена согласилась, что она была о себе высокого мнения, однако добавила, что ее комментарии на занятиях и письменные работы раскрывали подлинную остроту мысли.

– Я не сноб, – ответил я тогда. – Просто у меня есть стандарты.

А после сменил тему.

(Тем не менее, сегодня за ужином, когда избежать разговора о достоинствах – или их отсутствии – войны в Ираке не удалось ввиду прошедшей на неделе первой годовщины с ее начала, Вероника была непривычно молчалива, участвуя в обсуждении любой темы в самой поверхностной манере.)

Смышсленная Вероника сразу привлекла внимание Роджера Кройдона. Роджер был штатным профессором-викторианистом и одним из ведущих ученых: он опубликовал свыше пятидесяти статей и полдюжины книг, одна из которых – «Диккенс и его наследие» – рекомендована к прочтению студентам, изучающим творчество Диккенса. Оставалось загадкой, почему человека с подобными достижениями не отхва-

тил себе какой-нибудь крупный университет. Ответом на эту загадку была Джоан. Вместе они ходили на второстепенных персонажей из объемного романа Диккенса: на ее вытянутом лице ярче всего выступали огромные, подернутые волокой глаза; его угловатое лицо выделял кривой нос – свидетельство давнего перелома. Она была высокой и широкоплечей; он, в свою очередь, невысоким и стройным. Она щеголяла в дизайнерских нарядах; он предпочитал простые белые рубашки и хлопчатобумажные брюки. Она произносила слова с сильным акцентом манхэттенской аристократии; он говорил гнусавым голосом жителей гор Северной Каролины. Их союз был общеизвестно несчастным – так, по крайней мере, считал Роджер; на вечерах, которые они проводили в своем доме, он не упускал возможности выпить больше положенного и изливал свои жалобы на любого, кто был готов выслушать. Он никогда не напивался до такого состояния, чтобы назвать конкретную причину своего несчастья; однако взгляды, которые он бросал на стоявшую на другом конце комнаты Джоан, невозмутимо обходящую его вниманием, не оставляли сомнений. У Кройдонов был сын Тед, который, по рассказам старших сотрудников кафедры, был взбалмошным подростком, но существенно подуспокоился после того, как поступил на военную службу в свой восемнадцатый день рождения.

Несмотря на то, что из них двоих Роджер был более эксцентричным, склонным к энергичной жестикуляции и гром-

ким восклицаниям, главной в браке была Джоан. Ей нравился Гугенот. Он располагался в относительной близости от Манхэттена – полтора часа по автостраде, – что позволяло ей поддерживать связь со своей семьей и не расставаться с привычным с детства образом жизни, который включал в себя посещение театров и галерей; и, в то же время, достаточно далеко от Большого Яблока – так, чтобы она могла удовлетворенно заявить, что живет «в деревне». (Я заметил, что, как правило, жители Нью-Йорка считают всю территорию чуть дальше округа Уэстчестер «деревней» и «севером штата».) Однако всякий, кто видел дом Кройдонов на Фаундерс-стрит – громадное трехэтажное строение из камня и дерева, напоминающее семейный особняк, – всякий, кто видел дом, который Кройдоны называли Дом Бельведера (в честь малоизвестного художника, который поселился в доме на одно лето полвека назад), или прохаживался по его широким, выполированным коридорам, или заходил в комнаты с высокими потолками, или смотрел из высоких окон на горы, высящиеся за городом, – всякий, должно быть, задумывался: «Такая сельская жизнь мне по душе». Не надо было гадать, почему Джоан не желала расставаться с Домом. Он не всегда был таким грандиозным. Джоан и Роджер, тогда еще молодожены, прибыли в город и наткнулись на выставленный на продажу дом в довольно плачевном состоянии, а затем, заняв деньги у ее отца на покупку и дальнейшую реконструкцию, растянувшуюся на годы, вернули зданию бы-

лое величие. Все это вело к пониманию того, насколько глубоко Джоан была привязана к этому месту. В Доме Бельведера вырос сын Кройдонов; в нем Роджер написал большую часть своих статей и все свои книги; в этом доме Джоан провела полдюжины благотворительных и светских вечеров для людей своего социального круга.

Дом был удивительным, почти диковинным сооружением. Первый этаж был выстроен из того же серого булыжника, что и остальные дома на Фаундерс-стрит; второй и третий этаж, а также мансарда были деревянными и окрашены в темно-бурый с травянисто-зеленой отделкой. Верхние этажи имели целые ряды окон: цепь длинных прямоугольников, перемежающихся полукругами. Увидев Дом впервые, я окрестил его про себя «домом окон»; название как-то само пришло в голову, да так и закрепилось. И хотя я считал, что подобное архитектурное сооружение правильнее было бы отнести к стилю королевы Анны, однако с точностью сказать, под описание какого стиля подходили его фронтоны, терраса, карнизы и другие элементы, я затруднялся. С той первой встречи Дом всегда производил на меня странное впечатление. Существует множество домов, фасады которых напоминают лица – окна вместо глаз, дверь вместо рта, – но Дом Бельведера был единственным встретившимся мне зданием, лицо которого было невозможно разглядеть за чередой окон и углов.

Я нетерпеливо поглядывал в сторону ванной, откуда доно-

силось слабое шипение воды. «Сейчас вернусь», конечно. Я снова подумал о том, чтобы отправиться в спальню и забыть про Веронику и ее историю. Если бы она провела с нами еще пару дней – за десертом она упомянула, что на завтра планирует съездить в Провинстаун, а после, возможно, и в Бостон, – и если бы мы могли найти другое время для ее рассказа, так бы я и поступил; а заодно бы с удовольствием показал, что ей не удастся вертеть мною по своему усмотрению. И все же любопытство пересилило нетерпение, и я, поднявшись с кресла, побрел через гостиную и столовую, обратно на кухню. Я достал из серванта стакан, налил в него газировки и добавил лимона из пластикового пакета с верхней полки холодильника.

Со стаканом в руке я рассматривал широкое пространство кухни, представляя, как его сквозь окна над столешницей заливают утреннее солнце. Благодаря открытой планировке, просторным комнатам и изобилию окон весь дом купался в солнечном свете, но это изобилие имело и прямо противоположный эффект: прямо сейчас на меня со всех сторон давила темнота, которую уравнивали уютная атмосфера и шарм интерьера. Невольно напрашивалось сравнение с Домом Бельведера, чрезмерное количество окон которого никогда не пропускало достаточно света, чтобы рассеять тени, снующие под его высокими потолками. Несмотря на это, свой миниатюрный домик в восемьсот квадратных метров, в котором будет тесно одному, а что уж говорить про семью с

ребенком, мы с Энн не задумываясь обменяли бы на мрачный простор Бельведера. Но домом мечты для меня был Дом на Мысе.

– Рядом с ним находится кладбище, – не раз говорил я Энн. – Это ли не рай для писателя ужасиков?

Дом Бельведера был свидетелем многих знаменательных событий жизни Кройдонов, включая зарождение романа Роджера и Вероники и следующего за ним развода Роджера и Джоан. Все на кафедре знали об «увлечениях» Роджера: молодых, зачастую привлекательных девушках, куратором которых он назначал себя сам. Вдвоем их замечали в местном книжном, где Роджер распространялся о том или ином романе, который следует прочесть его подопечной; или в закуской на Мейн-стрит, где Роджер высказывал свое мнение о литературе, музыке или искусстве, пока она молча потягивала чашку чая; или в кабинете Роджера, где он предавался воспоминаниям о былом литературном соперничестве и передавал студентке копии статей. Судя по всему, эти отношения не заходили дальше духовной близости или, в крайнем случае, взаимной симпатии. Джоан всегда добродушно посмеивалась над ними. Как только Роджер начинал все чаще заглядывать в мой кабинет и, здороваясь, начинал восторженно описывать новую студентку до того, как я мог поприветствовать его в ответ, я почти с легкостью включался в привычный ритуал. Последняя подопечная Роджера выпустилась прошлой весной; он просто обязан был найти новую.

Моя реакция на новости была совершенно обычной.

Чего нельзя сказать о новом увлечении Роджера. Я не могу с уверенностью определить, когда члены кафедры осознали, что связь Роджера и его новой протее перешла в плоскость совершенно другого характера; для меня же все стало очевидно после первой встречи с Вероникой. Прогуливаясь в разделе поэзии в «Кэмпбелл» – букинистической лавке на Мейн-стрит, – я услышал, как кто-то ведет шепотом яростный спор. Мгновением позже в одном из участников я узнал Роджера, а затем и его оппонента – Веронику. Заглянув за высокий книжный шкаф, я увидел их в разделе беллетристики: Роджер размахивал руками, словно косарь на поле, грозясь задеть книги на ближних полках, а Вероника скептически смотрела на него, уперев руки в бока. Роджер яростно расточал похвалы таланту Мелвилла – единственного американского писателя, который бы мог сравниться со своим известным современником, Диккенсом, даже если судить только по «Моби Дику». Вероника оборвала его на полуслове, заявив, что Мелвилл многословен и переоценен, а в «Алой букве» больше смысла, чем во всей прозе Мелвилла. На что Роджер ответил, что Готорна, вероятно, так крепило от пуританской вины, из которой состояла его диета, что он был не в состоянии выдавить из себя что-либо, кроме банальной и шаблонной сентиментальности.

И тому подобное. Я ретировался к полкам с поэзией, но тон ссоры стабильно повышался, и не подслушивать стало

невозможно, поэтому я постарался уйти из лавки незамеченным, – что мне и удалось, поскольку дискуссия между ними была все еще в самом разгаре. В тот же вечер за ужином я рассказал об этом эпизоде Энн, и она, вскинув бровь, ответила:

– Что же, кажется, Роджер нашел достойного противника. Как видится, так оно и было. Их постоянные пререкания, которые было сложно отличить от ссоры, стали вполне обычным делом, и, надо отдать должное Веронике, парировала она с легкостью. С Роджером мы были давно и хорошо знакомы; достаточно, чтобы я в целом составил представление о его мнениях и суждениях. Так вот, я ни разу не слышал, чтобы Вероника согласилась хотя бы с одним из них. Более того, ее контраргументы всегда были убедительными. Можно подумать, что постоянные словесные перепалки могли утомить Роджера – так же, как они утомили нас, невольных слушателей, – но ему доставляло удовольствие отражать нападки Вероники. Свет в глазах и легкая походка делали его все меньше похожим на человека на закате блистательной карьеры, и все больше – на того, кому еще только предстоит сделать себе имя. С каждым новым увлечением Роджер оживлялся и преображался, но на этот раз я стал свидетелем самой что ни на есть радикальной перемены. Воодушевление не покидало его на занятиях, которые производили на студентов сильное впечатление и служили источником вдохновения; оно питало рабочий запал, благодаря чему он принялся за написание

нового эссе о роли молодых девушек в жизни и творчестве Диккенса.

Что до Вероники, то, основываясь на всем вынужденно подслушанном, в своих ответах Роджеру она ни в чем не уступала. И действительно: однажды, когда их разносившиеся по коридорам кафедры голоса смолкли, мы с ней, как помнится, впервые побеседовали, и я заключил, что ее фантазия, ее представления о том, что должны предавать обсуждению преподаватели и студенты, изучающие английский язык, – с Роджером она смогла претворить все это в жизнь.

Неудивительно, что подобный накал и летящие от интеллектуального состязания искры разожгли целый огонь. В массовом сознании вокруг каждой профессии формируется несколько устойчивых стереотипных представлений, и в нашем случае – это роман преподавателя с молодой студенткой; даже распространение феминизма и появление закона о сексуальных домогательствах весьма слабо способствовали разрушению этого стереотипа. Вместе с тем, внезапный развод Роджера и Джоан следующей весной застал нас всех врасплох. Энн позвонила мне из университета и рассказала обо всем. Якобы причиной развода стало то, что Джоан застала Роджера и Веронику в постели «с поличным», но тут я утверждать ничего не берусь.

На той же неделе Роджер съехал из Дома Бельведера к Веронике, и слухи подтвердились. Я был наслышан о быстрых разводах, при которых бывшие супруги оставались дру-

зьями, но лично не был свидетелем подобного. Развод Роджера и Джоан был поистине отвратительным. Ученый, занимавшийся величайшим писателем, стал героем одной из его мелодрам, точнее ее современной разновидности – мыльной оперы. Стоит отметить, на редкость избитой.

Все два года, пока они вместе с юристами занимались бракоразводным процессом, Дом Бельведера пустовал, а затем его сдали в аренду. Кажется, единственное, о чем они смогли договориться, – это нежелание расставаться с домом. В конце концов, в дом въехала молодая кардиохирург и ее семья.

Вероника продолжала ходить на занятия, чтобы закончить магистратуру. Меня это, конечно, удивило. Я думал, что из-за вереницы слухов, которая опутывала ее, она не станет заканчивать программу и переведется в другой университет – желательно куда-нибудь на Манхэттен или в Олбани. Но она решила вести себя как ни в чем не бывало: написала курсовую работу в первый год развода Роджера и Джоан, а за второй закончила свою диссертацию. Более того, на мероприятия она приходила вместе с Роджером, появляясь с ним под руку в любом месте в той невозмутимой манере, которая приходит с годами брака. Многие старшие члены кафедры, как и друзья Джоан, были возмущены подобными выходками; хотя среди них были и отдельные личности, к которым была применима фраза «в своем глазу бревна не замечаешь». В отличие от друзей, сотрудники кафедры не могли избежать встречи с Роджером и продолжали с ним работать, поэтому

в итоге им пришлось приложить усилия и если не радушно принять Веронику в свой круг, то хотя бы признать ее новое положение. К тому времени, как развод официально завершился, Вероника получила степень магистра и вернулась обратно в Пенроуз на должность доцента.

Я допил воду и снова посмотрел в сторону ванной комнаты. По крайней мере, вода стихла, но Вероника, казалось, даже не собиралась возвращаться. Я был уверен, что только начну подниматься по лестнице, как она вернется. «Назвался груздем...» – подумал я.

Вероника уже бывала в Доме на Мысе. Полтора года назад она приехала сюда с Роджером, за неделю или две до его исчезновения. Роджер, мягко говоря, был совсем плох: в тот год во время службы в Афганистане погиб Тед, и его смерть подкосила отца. Источник жизненной энергии, который подпитывали роман и последующая свадьба с Вероникой, в одночасье иссяк, словно смерть сына оставила в Роджере огромную брешь; он еще больше постарел и стал схож с пугалом вороньим у ворот.¹ Он обвис плечами, точно старый дом с покосившимся фундаментом и каркасом, и, несмотря на то, что Вероника старалась поддержать его, как могла, ее усилия были равносильны тому, как если бы на фасад старого ветхого дома плеснули аляповатой краски – вместо того, чтобы оживить весь его вид, это еще больше обнажало степень его упадка. Известие о смерти сына подобно резко-

¹ Строчка из стихотворения Уильяма Йейтса «Плавание в Византию».

му порыву ветра затушило огонь, пылающий в груди Роджера, оставив после себя лишь пепел и серый дым. Вместе с Вероникой он провел поминальную службу в храме Нидерландской реформатской церкви на Фаундерс-стрит; ее посетили считанные единицы, поскольку бывшие друзья предпочли присутствовать на службе, устроенной Джоан на Манхэттене. Мы были там с Энн, Эдди и Харлоу, и на Роджера было больно смотреть. Тяжелее всего было, когда Роджер попытался выступить с прощальным словом: его речь началась с воспоминаний о том, как в детстве Тед сломал руку в попытках влезть на стену дома, от которых он перешел к рассказу о своих попытках приобщить сына к чтению Диккенса, когда того больше интересовал Человек-Паук, и завершил речь прочтением стихотворения «Атлету, умершему молодым» Хаусмана.

После этого сведения об ухудшающемся состоянии Роджера доходили до нас фрагментарно, подобно сводкам о происходящей где-то на другом конце света катастрофе. Он не приходил на занятия, а если и появлялся, то был элементарно к ним не готов или мог долгое время не произносить ни слова. Наконец, его вызвали к ректору колледжа. Убитый горем Роджер все-таки догадался, что ему предлагают руку помощи, и принял ее; он передал учебные часы доцентам и перед уходом запер двери в свой кабинет.

А потом мы увидели фото Роджера в вечерних новостях – и это были последние новости о нем, за исключением еще

одного известия: оказалось, что они с Вероникой въехали в Дом Бельведера. По-видимому, Джоан была не против, а доктору Салливан и ее семье дали месяц на то, чтобы они подыскивали новое жилье. И через этот месяц Роджер и Вероника перебрались из маленькой квартирki в просторный дом. Через неделю-другую после их переезда ходили слухи о том, что Вероника собирается провести вечеринку по случаю новоселья, но они оказались беспочвенными. Насколько мне известно, никто так и не видел Роджера до того момента, как телеведущий произнес: «Полиция расследует исчезновение Роджера Кройдона, профессора университета штата Нью-Йорк в Гугеноте...»

К единому мнению о судьбе Роджера мы так и не пришли. С самого начала у меня было плохое предчувствие: казалось, произошедшее являлось закономерной концовкой трагического угасания Роджера. Энн придерживалась мнения, что Роджер на время уехал в неизвестном направлении, чтобы перевести дух и взять себя в руки. После проведения первых поисков Роджера, – точнее, его тела – полиция не могла дать никакого внятного ответа, и версия о его смерти, – а также намеки о его самоубийстве – отпали сами собой; я, однако, сомневаюсь, что от нее полностью отказались. Все остальные версии, которыми осыпали Веронику, были достаточно убедительными, и в то же время свидетельствовали о давней обиде, которую затаили старые друзья Роджера: корнем всех проблем они считали решение Роджера переметнуться

от Джоан к новой пассивности.

Дверь ванной щелкнула, и Вероника, в конце концов, вернулась в комнату. Вместо короткого коричневого платья, в котором она была за ужином, на ней был длинный махровый халат того же кремового цвета, что и обернутое вокруг головы полотенце; она сняла линзы, и теперь на носу сидели маленькие прямоугольные очки; серьги в ушах поблескивали в свете ламп.

– Отлично, – сказала она, устроившись на диване поджав ноги, и потянулась за бокалом вина. Она сделала большой глоток.

– Как я уже говорила, история довольно странная. Не скажу, что мне самой сложно в нее поверить, потому что все происходило на моих глазах. Наверное, я не хочу верить, что все так произошло. Надеюсь, ты понял. Если нет, то скоро поймешь. Я читала одну твою книгу – про мумию, или как ты там ее называешь, – поэтому решила, что ты, по крайней мере, непредвзято отнесешься к тому, что я тебе сейчас поведаю. Что тут смешного?

– Прости, – ответил я, – обычно, после того, как люди узнают, что я пишу ужастики, они делятся на два лагеря: одни сообщают мне, что не читают ужасы – точнее, что ужасы им не по душе, – другие же обязательно начинают рассказывать ужастики из своей жизни. Мне интересно, случается ли такое с писателями детективов и романов?

– Что ж, – сказала Вероника. – Еще до того, как Роджер...

Еще до его исчезновения я старалась придать всему, что с нами произошло, какую-то связность, упорядочить все в последовательный и логичный сюжет. После того, как он пропал, это стало моей навязчивой идеей. Где бы я ни была, что бы я ни делала – вела машину, смотрела телевизор, стирала белье, вела занятия, – в голове я постоянно прокручивала события прошедших дней, находила связь между казавшимися на первый взгляд разрозненными происшествиями, иногда додумывала целые эпизоды, которые просто не могли не произойти. Целый месяц – это было первое Рождество без Роджера, – я все записывала. Целыми днями я исписывала тетради. Кажется, в общем у меня вышло около четырехсот страниц мелким почерком, но я до сих пор не в состоянии свыкнуться с тем, через что нам пришлось пройти. И по-прежнему не могу все это осмыслить. Время от времени я заглядываю в тетради, пересматриваю написанное: вычеркиваю слова и предложения, добавляю новые на полях и между строк. Сейчас вряд ли кто-то, кроме меня, сможет их прочесть; записи теперь смахивают на абстрактные полотна.

Только что, в душе, я размышляла, с чего мне начать свой рассказ, и стоит ли его сокращать, чтобы быстрее дойти до конца. Я вспомнила нашу последнюю с Роджером ночь. Около трех часов утра Роджер поднялся с кровати и вышел на улицу. Он ходил во сне, я привыкла, – к тому моменту он уже несколько недель как поднимался каждую ночь ровно в три и бродил по дому. Но в ту ночь он впервые вышел на улицу,

поэтому я последовала за ним. Обойдя дом несколько раз, он остановился на лужайке на заднем дворе. Была середина лета, но воздух был холодным, словно стояла зима. В пяти метрах от того места, где мы стояли, выдыхая клубы белого пара, была темнота. Не обычная темнота, какая бывает в три часа ночи, а угольно-черная темнота, разрезавшая двор пополам. Зверский холод исходил как раз от нее, словно за домом кто-то возвел огромную стену из черного льда.

Огромная черная занавесь, укрывшая мой задний двор, должна была повергнуть меня в состояние шока, но тогда этого не случилось. С нами уже произошло столько всего странного – то есть абсолютно ужасающего. Тем не менее, я подошла к Роджеру; он уставился в темноту, будто что-то там разглядывал.

– Вот оно, – сказал он.

Я спросила:

– Оно?

– Мое.

Я думала, что мне послышалось, и переспросила:

– Что ты сказал?

– Я, – и он продолжил вглядываться в темноту.

– Ты – твой? – снова переспросила я.

– Мой, – ответил он, и меня осенило.

– Ага, – сказала я, – ты про это.

– Я.

– Оно – твое, и оно – это ты.

– Где мой мальчик?

– Тед?

– Мы должны были тренировать подачи, – сказал Роджер и задумался. – Он ни разу меня не навестил.

– Тед.

Роджер развернулся ко мне лицом, но его взгляд был пустым.

– Ты знаешь моего мальчика?

– Едва ли.

– Раньше он был таким послушным. Мы так часто проводили время вместе. А теперь все изменилось.

– Что случилось?

– Он умер.

Поскольку тогда это было важно, я спросила:

– Как он умер?

– Я запер его, – ответил Роджер. – И выбросил ключ. А потом он умер.

– Он все еще заперт?

Краем глаза я уловила движение. Черная стена пришла в движение и начала колыхаться, словно перед нами действительно был огромный занавес. Если бы каждый квадратный сантиметр моего тела не заоченел от холода, от этого движения я бы покрылась мурашками. Мне показалось, что я разглядела кого-то в темноте – возможно, там стоял человек. Я различила лишь высокую фигуру, которая, казалось, одновременно находится за темной занавесью и в ней. Испу-

гавшись, я отвернулась. Страх дрожью пробежал по спине, а сердце бешено застучало. Я взглянула на Роджера: он так и не ответил на мой последний вопрос.

Он пожал плечами. А затем сказал:

– Должно быть, заперт. Он ничего мне не говорит. Он со мной не разговаривает.

Несмотря на внутренний протест, я снова взглянула на черную стену. Фигура двинулась к нам, и ее очертания становились все отчетливей. Во рту пересохло.

– Роджер, – сказала я. – Тед...

Но тут лицо Роджера перекосило, и он закричал:

– *Где он? Что ты с ним сделала? Где мой мальши? Где мой мальши? Где мой мальши?*

Часть I. Общая Странность

– Вместо огромной черной занавески на заднем дворе, давай-ка, – сказала Вероника, – начнем с того, как кто-то прервал мой глубокий сон, потому что громко барабанил в дверь моей квартиры. Открыв глаза, я увидела сидящего на кровати Роджера.

– Что происходит, Роджер? – спросила я и посмотрела на часы на прикроватной тумбочке. Три часа. Роджер свесил ноги с кровати и встал. Я снова спросила:

– Кто это?

– Не знаю, – ответил он и направился к двери.

– Подожди, – сказала я, ведь если кто-то барабанит в дверь в три часа ночи, разве может это хорошо закончиться? Роджер не ответил, пересек небольшую гостиную и подошел к двери, которая содрогалась от силы ударов. Теперь уже и я соскочила с кровати и подошла к телефону, гадая, успею ли набрать 911 до того, как меня и моего новоиспеченного мужа жестоко убьют.

– Минутку, минутку, – пробубнил Роджер, отпирая дверь. Затем распахнул ее; на пороге стоял Тед.

Тогда я впервые увидела его воочию. Его лицо – вылитая Джоан: те же вытянутые, лошадиные черты, – его перекошенное лицо было красным – нет, багровым, от основания шеи и до самой линии волос. Я никогда не встречалась с та-

кой яростью. В правой руке он держал присланную мной открытку. Он был одет в военный камуфляж зеленого цвета с коричневыми и черными пятнами. Роджер никак не ожидал увидеть своего сына на лестничной площадке посреди ночи, и в том, как он сказал «Тед!», слышалось удивление.

– Я получил вашу открыточку, – ответил, точнее, прорычал Тед.

Роджер понятия не имел, о чем тот говорит. Я упоминала, что не сказала мужу о том, что выслала Теду открытку о нашей свадьбе? Он спросил:

– Какую открытку?

– Вот эту! – рявкнул Тед, размахивая карточкой, словно окружной прокурор верховного суда, предъявляющий вещественное доказательство.

Роджер не надел очки для чтения. Ему пришлось наклониться и прищуриться, чтобы понять, что ему показывал Тед.

– Где ты это взял? – спросил он.

Очевидно, Тед считал, что Роджер над ним насмеяется.

– Ты мне прислал! – крикнул он, выдергивая бумажку из его рук.

– Я никогда, – начал было Роджер, а затем замолчал. Он догадался, как она попала к Теду. Но вместо этого он сказал:

– Тед. Если хочешь что-то сказать – говори.

Тед только этого и ждал.

– Хорошо, я скажу. Ты бросил мою мать ради какой-то

шлюхи-малолетки. Ты ушел после тридцати восьми лет брака только для того, чтобы потрахаться. Ты плюнул в лицо женщине, которая посвятила тебе всю свою жизнь.

– Остановись на минутку, – произнес Роджер, но крик Теда заглушил его слова.

– Ты позоришь нашу семью. Ты выставил себя посмешищем!

– Довольно! – теперь уже кричал Роджер.

Он распрямился, но все равно был ниже Теда на целую голову.

– Я – твой отец, мистер. И ты должен относиться ко мне с должным уважением. Моя жизнь – это мое личное дело, и это ты тоже должен уважать. Ни ты, ни кто-либо другой не смеете меня судить.

– С уважением! – отозвался Тед. – Которым ты и твоя шлюха оплатили моей матери?

– Ты сейчас говоришь о моей жене, – ответил Роджер. – Начнем с того, что ты сменишь тон.

– А то что? Уйдешь от меня к другому сыну?

– Это просто смешно, – сказал Роджер. – Это возмутительно. Сынок, мы с твоей матерью развелись больше двух лет назад, и ты только сейчас решил об этом поговорить? В три часа ночи? С криками и воплями? Замечательно. Только так у тебя получится привлечь мое внимание к тому, что ты, как тебе кажется, пытаешься мне доказать.

– Я? – сказал Тед. – Я бы с радостью наблюдал, как ру-

шится твоя жизнь. Маме будет лучше без тебя. Но ты не мог уйти просто так, верно? Тебе надо было ткнуть меня в это мордой.

Он взмахнул открыткой.

Роджер склонил голову и сказал:

– Это была ошибка.

– Еще какая!

Я наблюдала за их перепалкой, стоя в дверях спальни. Когда Роджер открыл дверь, и я увидела Теда, в голове мелькнула мысль – примерно на долю секунды, – что мне стоит выйти и представиться, но потом я увидела его лицо, и стало очевидно, что визит его был отнюдь не светского характера. Только если под светским визитом подразумевать засаду. Я осталась там, где стояла. Наверное, мне стоило вернуться в постель, но смогла бы я заснуть, пока эти двое кричат друг на друга? Все произошло слишком быстро. Казалось, лицо Теда могло затрещать по швам в любую секунду, его тело напряглось, словно натянутая струна; Роджер сжимал и разжимал кулаки. Я не могла поверить, что двое взрослых мужчин собрались драться из-за глупой открытки – я всего лишь пыталась проявить вежливость.

Однако с каждым произнесенным словом они приближали ситуацию, которая бы требовала вызова полиции. Я сняла трубку беспроводного телефона и держала ее наготове. Тед кричал, что Роджер совсем не изменился: в первую и последнюю очередь думал только о себе. Роджер рявкнул в ответ,

что Тед начинает забываться, и с него достаточно этого подросткового пафоса. В конце концов, Роджер рявкнул: «Разговор окончен!» – и попробовал захлопнуть входную дверь.

В ту же секунду Тед шагнул вперед. Дверь, налетев на его плечо, отлетела обратно к руке Роджера.

– Он закончится тогда, когда я скажу, – произнес Тед, делая еще один шаг. – Не тебе решать, когда мне уходить. Я уйду, когда захочу.

Роджер оттолкнул его. Точнее, попытался. С таким же успехом он мог бы толкнуть дерево. Тед пошатнулся, а затем устремился к Роджеру и пихнул его в ответ. Роджер полетел на пол.

Должно быть, Тед давно мечтал это сделать. Он наконец-то смог дать отпор отцу. Когда Роджер с грохотом приземлился на пятую точку, с Теда упала маска ярости. Его лицо все еще было темно-красным как свекла, но им больше не двигала жажда мести; казалось, он только начал разминаться перед тренировкой. Похоже, его удивило, как легко было лишить Роджера равновесия, – настолько, что он забыл, что хотел сказать.

Прежде, чем он успел вспомнить, Роджер вскочил с пола и ударил Теда головой в живот. У Теда перехватило дыхание – он стал похож на мультяшного персонажа: выпученные глаза, округленный рот. На этот раз с ног сбили его. Теряя равновесие, он схватил Роджера за футболку, и они вместе повалились на пол.

Так все и началось. Они яростно набросились друг на друга, катаясь по полу, нанося удары руками и ногами. Я даже не пыталась их разнять. Через несколько минут подъехала полиция; к тому времени Роджер и Тед уже разгромили часть моей квартиры. Они опрокинули книжные шкафы, разбили телевизор и лампу. Все это было, конечно, ужасно; хотя, знаешь, пока они ставили друг другу синяки, мне подумалось, что будь Теду семнадцать, то драка пошла бы им на пользу. Копы схватили их и попытались растащить, но у них ничего не вышло. Один из них даже заработал себе синяк под глазом. Он же и применил газовый баллончик. Ты когда-нибудь вдыхал эту дрянь? Господи! Ее нельзя использовать в помещении. Роджер и Тед в ту же секунду отлепились друг от друга, завопили и начали остервенело тереть глаза. Их заковали в наручники и потащили вниз по лестнице к полицейской машине. Кажется, я была этому даже рада. Я знала, что утром мне придется ехать в здание администрации, чтобы внести залог, но в тот момент, когда их волокли из моей квартиры туда, где они не смогли бы снова сцепиться, я чувствовала облегчение. Открыв все окна в квартире, чтобы выветрить запах баллончика, я забросила на кровать побольше одеял и постаралась заснуть.

Ключевое слово «постаралась». Как ты понимаешь, сон никак ко мне не шел. С нашей свадьбы не прошло и месяца, а я только что позволила полиции забрать своего мужа, потому что он устроил потасовку со своим, черт возьми, сы-

ном. После такого совсем нелегко упасть в объятия Морфея. Можно было включить телевизор – ах, верно, телевизора у меня больше не было, потому что мой пасынок впечатал в него свой ботинок, когда боролся с отцом. Включив ночник, я сложила подушки Роджера поверх своих и решила почитать – стихи Дикинсон, если тебе интересно, – но, как и тщетные попытки отключиться, чтение не помогло мне отвлечься. Мои любимые стихи превратились в набор загадочных фраз с излишними тире:

Не нужно Комнат – с Привиденьями –
Не нужно Дома –
Извилистые Коридоры Мозга – превосходящие
Материальные Рамки –

Я отложила книгу, откинулась на подушки и прикрыла глаза. Я думала, как через несколько часов поеду вносить залог за Роджера и Теда.

Я думала о том, почему все так случилось.

* * *

Роджер рассказал мне о Тедке, когда второй раз провел ночь в моей квартире. Мы не спали до утра, рассказывая друг другу о наших жидзнях, о семьях. Мы только и делали, что разговаривали, но, на удивление, почти ничего не знали друг

о друге. Я бы с легкостью назвала пять лучших книг Диккенса, по мнению Роджера, с полным обоснованием рейтинга, но не была уверена, сколько у него было детей. Думаю, для Роджера все было аналогично. Мы сидели на кухне, потягивая красное вино. Я сказала, что у меня нет детей, и поинтересовалась насчет него в ответ.

– Сын, – ответил Роджер. – Эдвард Джозеф, но мы зовем его Тед.

– Сколько ему?

– Двадцать восемь.

– Чем он занимается?

– Сержант армии США, служит в Силах специального назначения.

– Ничего себе.

Роджер хмыкнул.

– Расскажи о нем.

Что он и делал следующие несколько часов. Начал он с пятнадцатилетия Теда. Существует некий рубеж, верно? В какой-то момент взросления мы достигаем критической массы, когда все, что закипало внутри, внезапно начинает хлестать через край, и мы превращаемся в типичных подростков. Ровно в тот день, когда мне исполнилось тринадцать, ко мне пришло осознание того, что мои родители, а также большая часть моих родственников, – самые последние идиоты. И я решила вести себя соответствующим образом. Было весело первые пару лет – так же весело, как и мед-

ленная смерть от пыток. Если повезет, то через год-другой из этого вырастаешь, но до тех пор от тебя никакого проку, разве что только для лучших друзей.

Роджеру было не впервой. Да и всем нам, наверное. В нашей практике встречалось более чем достаточно студентов, которые так и не повзрослели. В таких случаях интуиция подсказывает: это самое обыкновенное, классическое равнодушие ко всему на свете. Но вместе с тем Тед отдалялся, и Роджера это глубоко ранило; и, невзирая на то, что он знал причины, отгородиться от боли он был не в состоянии. На место его сына пришел угрюмый незнакомец со свисающими на лицо длинными волосами; он бормотал ответ на любой вопрос и не снимал один и тот же свитер с джинсами несколько дней кряду.

Роджер, в свою очередь, решил его воспитывать. Точнее, пытался: чем больше правил он устанавливал, тем чаще Тед их нарушал. Он перестал заниматься с репетиторами и забросил учебу до такой степени, что постоянно находился под угрозой исключения. Он начал курить марихуану и стал болтаться в соответствующей компании. Вместе с девушкой они попробовали прокрасться к нему в комнату, но, когда Джоан и Роджер их поймали, он в гневе вылетел из дома. Несколько раз его арестовывали за кражу; у Джоан, однако, были связи, и дело никогда не доходило до суда. Время шло, а выходки становились все хуже. Он днями не появлялся в школе. К ужину приходил пьяным или накуренным. Однажды Джоан

запретила ему брать свой «мерседес» – как только он ни пытался завести его без ключа, но сам не понимал, что творит, и, в результате, только изрезал провода под приборной панелью. Роджер предложил отправить его в военное училище. Роджер! Ты можешь себе представить? Джоан предложила отправить его к родственникам во Францию. Они так и не смогли договориться, и Тед остался дома, продолжая испытывать терпение родителей. Больше всего Роджера задевало полное безучастие Теда ко всему, кроме курения марихуаны и общения с друзьями. Сплошное своеволие, зlostные пререкания, методичное отрицание их с Джоан ценностей – с этим он мог смириться. Знаешь, он обожал спорить. Но апатии вынести не мог. Он не знал, как вести себя с тем, кому все равно. Думаю, Тед все понял, и это стало его самой эффективной тактикой.

И если раньше Роджер лелеял сына как зеницу ока, то вскоре уже считал его бельмом на глазу. Но выяснять отношения в открытую они не стали, – во всяком случае, тогда. Его сердце начало черстветь, и он не стал этому противиться. Иногда они вместе смотрели бейсбол, совсем как раньше. Неделя чемпионата по бейсболу была неделей разрядки, если не перемирия; бывало, Роджер, слушая, как Тед бурно возмущался заработанным двойным аутом, вдруг ощущал незнакомую удивительную силу, ослаблявшую его неприязнь; сердце его оттаивало, а по возведенной между ними стене шли трещины, через которые пробивалось что-то зеле-

ное и живое. Но в то же мгновение Тед, осознав, что по-человечески разговаривает с отцом, осекался, опускал голову и, бормоча «А, плевать», разваливался на диване. Может, Роджеру стоило что-то сказать, кто знает. Может, ему стоило похвалить Теда за меткое замечание. Может, ему стоило ухватиться за возможность поговорить, предоставленную моментом, – но он молчал. Момент был упущен; Роджер упускал его. Его сердце снова превращалось в камень, вся зелень погибала, и на этом все заканчивалось.

Роджер всегда был немного фаталистом. Родителей он потерял еще в молодости: отец умер от рака легких, когда Роджеру было шестнадцать, а спустя четыре года, когда он учился в университете Вандербильда на третьем курсе, от рака груди скончалась мать. Оба родителя были заядлыми курильщиками. Младший брат с раннего возраста пристрастился к алкоголю и не просыхал последующие двадцать пять лет. Сестра рано и неудачно выскочила замуж, и замужеству пришел конец, когда ее муж въехал в дерево и впал в кому на год. Много еще чего было, много связанного с его родителями, – особенно с отцом, – но об этом позже. Скажу только одно: отец его был не самым образцовым. Роджер утверждал, что детство на нем никак не сказалось, но на его глазах ломались жизни самых близких и любимых людей, и это, несомненно, оставило свой отпечаток. Потому-то Диккенс и задевал его за живое: бедные дети, несчастные семьи. И за стремлением к успеху стояло как раз-таки упор-

ное нежелание следовать примеру семьи. Оно же и приносило прочную уверенность в том, что худшее не просто может случиться, оно обязательно произойдет и, по большей части, произойдет по его вине. Иначе почему он так долго держался за Джоан? Я уверена, в тот момент, когда Роджер впервые взял на руки Теда, он внутренне был готов к тому, что вскоре вся любовь, радость и гордость, которые он испытывал, померкнут. Когда так и случилось, – или он решил, что случилось, – Роджер, поспешив с выводами, с ужасом заключил, что последняя, как он считал, глава в книге его жизненных неудач подошла к концу.

Но Тед ничего об этом не знал. Сомневаюсь, что даже Роджер отдавал себе отчет в происходящем. Не может быть, чтобы он не осознавал всего этого, – просто он всегда гнал прочь неприятные мысли, особенно если они выставляли его в плохом свете. Справедливости ради скажу: вряд ли бы что-то изменилось, если бы Роджер рассказал Теду о своих чувствах. Тед бы, скорее всего, фыркнул и ушел восвояси.

По-видимому, последним важным событием в истории их отношений – еще до того, как мы с Роджером встретились, – стало поступление Теда на военную службу. И Роджер, и Джоан были удивлены. Потрясены. Тед никогда не давал малейшего намека, что подумывает о карьере военного. Тед и «солдат» – понятия несовместимые, понимаешь? Джоан тяжело переживала это известие; хуже, чем Роджер. Ей казалось, что с Тедом у нее была особая связь: он знал, что всегда

мог к ней обратиться. Ах, если бы. Он обращался к ней только тогда, когда ему нужны были деньги. Роджер был недоволен – он всегда заявлял, что армия создана для тех, кому мыслительные процессы приходится в тягость, – но не без удовлетворения отмечал, что Тед, наконец, принял решение и сделал свой выбор, хоть и неправильный. Спорить с Тедом он не стал. В отличие от Джоан, которая только этим и занималась. Он, однако, решил, что его сын сильно изменился. Сильнее, чем на первый взгляд. На той же неделе Тед отправился в тренировочный лагерь. Так все и закончилось.

На момент рассказа Роджера Тед уже как десять лет служил в армии. Он участвовал в войне в Персидском заливе, правда, в основных операциях его подразделение участия не принимало. Он быстро продвигался по служебной лестнице. За три года он дослужился до сержанта. Начальство предложило ему пройти офицерскую подготовку, но он отказался, ответив, что ему неплохо и в сержантских погонах. А затем перешел из пехоты в Силы специального назначения. Роджер и Джоан пару раз приезжали к нему на базы. Эти поездки никогда хорошо не заканчивались. Джоан все не могла привыкнуть к окружавшему ее однообразию, а Роджер не мог перестать грубить любому, кто начинал с ним разговор. Ему говорили:

«Добрый день!» – а он отвечал: «Добрый ли?» Не нужно быть Зигмундом Фрейдом, чтобы понять: подавленный гнев Роджер вымещал на любом подвернувшемся под руку

несчастном. Во время второго визита, когда продолжавшееся и безудержное вымещение чуть не привело к потасовке с военной полицией, они втроем решили, что будет лучше, если Тед будет приезжать к ним.

Судя по тому, что рассказывал мне Роджер, Теду нравилось в армии. Я тоже никогда не была поклонницей военного дела, но кому-то оно по душе, в том числе и Теду. У Роджера это не укладывалось в голове. Он говорил, что хотел, чтобы его сын жил своей жизнью, но имел в виду совсем другое: если бы Тед принял решение написать диплом по Мелвиллу, а не Диккенсу, то возражать Роджер бы не стал. В отношении сына его ожидания вращались вокруг весьма конкретной области – академического сообщества, – а военная служба не входила даже в ее периферию. Согласись Тед стать офицером, ничего бы не изменилось. В любом случае, Роджер бы остался при своем мнении: Тед попусту растрчивает свои способности.

* * *

Я повернулась, чтобы взглянуть на часы. Половина пятого. И хотя тело настойчиво требовало сна, мысли мои были беспокойны. Решив, что кружка теплого молока может помочь, я откинула одеяла, выбралась из кровати и побрела на кухню. По дороге я закрыла все окна в гостиной. Вонь от баллончика почти рассеялась, но слабый запах жег нос.

Достав большую кружку из кухонного шкафа, а затем и молоко из холодильника, я пришла к выводу, что плохие воспоминания Роджера были одной из причин, почему они с Тедом поколотили друг друга на полу моей гостиной, но не единственной. Так я ему и сказала в ту ночь, в ночь нашего разговора. Я сказала: «Не верю, что все было так плохо». Если взаимоотношения вдруг резко испортились, разве это не подразумевает, что изначально все было хорошо? Гнев не произрастает из равнодушия; самый верный путь к ненависти – через любовь.

– А каким был Тед в детстве? – спросила я. – Когда он был совсем ребенком?

– Тогда, – сказал Роджер, – все было по-другому.

С отрешенным видом он уставился в пространство...

* * *

...И в то же мгновение оказался в родильной палате в Пенроуз. Джоан закричала, доктор сказал: «А вот и он!» – и Роджер узрел своего голого, мокрого и плачущего сына. Они долго пытались зачать ребенка, и на десятом году брака у них, наконец, получилось. К тому же, первенцем был мальчик – можешь представить, что это значило для Роджера, человека традиционных взглядов? Он получил сына, наследника, и тому подобное. Джоан, конечно же, его тоже любила – по-своему, холодно, на расстоянии; но, знаешь, как только

Роджер взял Теда на руки, посмотрел в его глаза, впервые увидевшие мир, он влюбился без памяти. Должно быть, и ты испытал подобное после рождения сына.

В первый год Роджер и Тед были неразлучны. Везде ходили и все делали вместе. Когда Тед повзрослел и начал осмысленно воспринимать происходящее на экране телевизора, он пристрастился к бейсболу. Роджер не мог разобраться, почему; лично ему нравился баскетбол, а Джоан – тут без вариантов, поло у нее в крови. Роджер включал телевизор, и Тед, наблюдая за игрой, смеялся до упаду. Как только Тед пошел и научился бросать, Роджер купил ему бейсбольную перчатку, мяч, биту, все сразу, – и купил перчатку для себя. Ты видел лужайку у Дома. Она размером с бейсбольное поле. В течение десяти лет они – если позволяла погода – выбегали во двор и начинали бросать друг другу мяч. Когда им надоедало, они брали биты; Роджер подавал, а Тед отбивал; затем подавал Тед, а отбивал Роджер. А когда и это наскучивало, они снова принимались бросать друг другу мяч. Вместе они стали неотъемлемой частью обличья квартала: невысокий мужчина в рабочей рубашке и брюках и высокий долговязый мальчишка в футболке и джинсах. Роджер далеко не спортсмен, но с удивлением отмечал, сколько удовольствия находит в таком незатейливом занятии, как перебрасывание мяча Теду. Тед играл в малой лиге, и Роджер не пропускал ни одной игры. Тогда его авторитет позволял ставить занятия таким образом, чтобы они не пересекались со временем

матча. В один из сезонов ему разрешили стать помощником тренера, но закончилось это плачевно. Страсть, как он сказал мне, – это лишь подспорье таланту. Представляю, как он подбадривал команду девятилеток цитатами из Теннисона:

Долиною смерти, под шквалом картечи,
Отважные скачут шестьсот.

К всеобщему облегчению, он отказался от своей затеи и вернулся на трибуны.

Их связывал не только бейсбол, далеко не только бейсбол. Роджер читал Теду. Каждый вечер он выделял, по меньшей мере, час на то, чтобы познакомить Теда с мальчишескими книжками: «Остров сокровищ», «Хоббит, или Туда и Обратно», «Айвенго». Можно подумать, что раз Джоан училась по профилю «Начальное образование», то помогала с домашней работой Теду именно она, но можешь ты ее представить преподавателем начальных классов? Как тебе такая идея для ужастика? Ей плохо давались разъяснения – ну еще бы! – вместе с Тедом они решали математические задачки, но он, как и все дети, был почемучкой, а Джоан не хватало терпения. И как бы не заявляла Джоан, что образование Теда – ее заслуга, это ложь. Именно Роджер откладывал письменные работы студентов, спускался на кухню из своего рабочего кабинета на третьем этаже и раскрывал Теду предпосыл-

ки луизианской покупки.² Роджер смотрел с Тедом его любимые мультики; водил на последние новинки кинопроката. Он признался, что не ожидал подобного – его застигла врасплох всепоглощающая и безумная любовь, которую он испытывал к своему малышу.

Конечно, не обходилось без ложки дегтя. Тед, вообразив себя Человеком-Пауком, попытался вскарабкаться по стене и сломал руку. У него был типичный набор детских болезней, в частности, цитируя Роджера, самый тяжелый случай ветрянки. В четвертом классе он постоянно воевал с классным задирой. Были проблемы и посерьезней. Тед плохо читал. Роджер мог беспрерывно зачитывать ему книги вслух, и Тед исправно сидел и слушал, но к самостоятельному чтению не испытывал никакого интереса. Роджер купил десятки книг на всевозможные темы. Но если Теда не захватила история бейсбольного клуба «Янкиз», то что уж и говорить о «Приключениях Оливера Твиста». Подобное отсутствие интереса к чтению отражалось на успеваемости: Тед получал высокие оценки по математике и естественным наукам и средние, а иногда и неудовлетворительные, по английскому языку и обществознанию. Он старался. Часами страдал за кухонным столом, засиживался над письменными и устными заданиями до ночи. Роджер сидел вместе с ним, силясь истолковать систему, казавшуюся Теду мудреной и запутанной. Он продолжал читать вслух, но теперь предвари-

² Покупка США французских земель в Северной Америке в 1803 году.

тельно осведомлялся у Теда, не желает ли тот почитать сам. Тед неизменно отвечал отказом, и с каждым разом Роджер все меньше старался скрыть свое разочарование, рассчитывая таким образом сыграть на чувстве вины. Было учреждено ежедневное чтение: час в день Тед был вынужден биться над текстами, отобранными отцом. Сначала, до того, как Тед мог выйти на прогулку, сходить в гости к друзьям или даже заняться домашним заданием, он был обязан явиться в гостиную и под присмотром Роджера попытаться осилить «Дэвида Копперфильда». И за два года под пристальным наблюдением он прочел его от корки до корки. Как только Тед заканчивал читать, Роджер начинал расспрашивать его о мелочах, чтобы убедиться, что Тед не витал в облаках. Этот же метод Роджер использовал на своих занятиях. Если Тед был не в состоянии дать удовлетворительный ответ, Роджер назначал дополнительный час. Джоан вмешалась, когда чтение стало мешать бейсбольным тренировкам; и тогда Роджер передвинул занятия с сыном на вечернее время.

Прошло много лет, прежде чем один из учителей Теда предложил Роджеру и Джоан проверить сына на дислексию – ты можешь себе представить? Он был в седьмом классе. Ему было двенадцать. Куда смотрели учителя в начальной школе? И куда смотрела Джоан? Разве в силу профессии она не должна уметь распознавать подобные нарушения? Если, по ее словам, она только и делала, что занималась с Тедом, то как она могла не заметить? Как только диагноз подтвердил-

ся, Роджер и Джоан потратили кучу денег на частных педагогов для Теда, и его техника чтения улучшилась. Но если техника улучшилась, то интерес, точнее его отсутствие, остался прежним. Тед не любил читать. Представь, каково от этого было Роджеру – ведь себя он считал, в первую и последнюю очередь, заядлым книголюбом. Они играли в бейсбол, вместе смотрели телевизор и фильмы, и Роджер не оставлял надежды, что однажды они вместе предадутся чтению в библиотеке. Но, как понимаешь, требования Роджера были завышены: он упорно не мог смириться с в целом незначительным, но существенным для него отличием Теда. И когда Теду исполнилось пятнадцать, все занятия чтением канули в Лету.

* * *

Теплое молоко было выпито, но сна – ни в одном глазу. Встав из-за стола, за которым Роджер поведал мне историю о своем сыне, я поставила кружку в раковину и вернулась в спальню. Часы показывали начало шестого: за окном светало. Вскоре взойдет солнце, и эта странная ночь подойдет к концу. Я села на кровать. Сложные отношения Роджера и Теда – половина причины, по которой Тед ступил на порог моего дома. Второй половиной... Не знаю, как много ты знаешь о наших с Роджером отношениях. Твоя жена преподает на факультете, и, полагаю, ты тоже. Ты знаешь про скандал.

Наслышан, как мы с Роджером сошлись. Хотя, как я уже сказала, все было не так противно, как все думают.

* * *

Брак Роджера и Джоан распался уже давно: с тех пор, как она переспала с преподавателем с кафедры антропологии. Спорим, ты об этом не знал? Никто не знал, потому что она клялась Роджеру, что это была ошибка, и он, чтобы не выносить сор из избы, простил ее. Вы все даже не подозреваете, сколько всего он ей прощал. Вспомни, как на вечеринках Роджер напивался, а Джоан стояла как истукан – спокойная и невозмутимая – и все наверняка думали: «Бедная Джоан! Посмотрите, с чем ей приходится мириться». Я тебя умоляю. Когда в последний раз она улыбалась? Я не уверена, может ли она улыбаться после всех этих подтяжек; а если попытается, то все ее лицо расползется по швам.

Когда между мной и Роджером все только начиналось – когда он впервые провел у меня ночь, – как бы это банально не звучало, все произошло случайно. Мы все время проводили вместе: сидели в офисе Роджера, пили кофе в закускойной, ходили в кино; но я не думала, что между нами могло быть что-то большее, чем... Не знаю – дружба? Он ведь меня и жене своей представил, и я заметила ее снисходительную ухмылку. Она явно не видела во мне угрозы.

Я слышала о Роджере Кройдоне, пока училась в Пенроуз.

Наш профессор-викторианист была слегка одержима идеей опровергнуть все научные исследования Роджера, и за закрытыми дверями своего кабинета всегда была готова перемыть косточки «молодым очаровашкам» Роджера. «Он точно спит с ними, – говорила она. – Боже мой! Мы ведь не в каменном веке живем!» Когда мы с Роджером начинали пререкаться, я озвучивала ее доводы. Они не срабатывали: были недостаточно убедительными. Так вот, когда я поступила в магистратуру в Гугеноте, я знала, что мне нужно попасть к нему на занятия. После всего, что я о нем слышала, разве могло быть по-другому? Я прочитала парочку его статей, и они были довольно неплохи.

К чему я не была готова, так это, собственно, к самому Роджеру. Он вел курс по Диккенсу, и занятия проводились в аудиториях на цокольном этаже гуманитарного корпуса – ты и сам знаешь: нет окон, низкий потолок – страшный сон клаустрофоба. Не говоря уже об антураже: пластиковые сиденья, откидные столики, дешевая краска на стенах – стиль, который я называю «городская заурядность». А потом вошел Роджер. Коротышка, больше походивший на боксера, чем на профессора английского языка, зашагал в центр аудитории, бросил свой портфель на стол и, не медля ни секунды, начал лекцию. Все вмиг преобразилось. Неудобные сиденья, флуоресцентные лампы, гудящие над головой, сидящий рядом парень, покашливающий каждые две минуты, – все исчезло, точно сдуло ветром. В тот момент для меня существовал

лишь мужчина в свободных льняных брюках, белой рубашке и бежевом пиджаке; его седые, но густые и давно не стриженные волосы; его морщинистое и усталое, но оживленное лицо, на котором отражалось пламенное желание рассказать нам о Чарльзе Диккенсе.

Я могла дословно пересказать почти всю лекцию; что-то я помню и сейчас. «Писал ли Диккенс мелодрамы? – спросил нас Роджер, приподняв бровь. – Несомненно! Как еще можно назвать убийство Нэнси Сайкс, смерть крошки Нелл, преследование леди Дедлок? Если творчество Диккенса изобилует мелодрамой, то только лишь потому, что мелодрама царила в его жизни и в окружающем его мире. С самого начала – с тех пор, как его спокойная жизнь была нарушена, с тех пор, как его отправили работать на фабрику ваксы, – и до самого конца, – когда Диккенс пережил крушение поезда во Франции, – его повсюду преследовала мелодрама. Как и всех нас, несмотря на то, что многое из того, что зовется литературой и литературной критикой, не придает этому значения». Лекцию он завершил цитатой из Грэма Грина. «Вот почему, как говорит Грин, при чтении романа „Большие надежды“ нам кажется, что мы подслушиваем за рассказчиком, являемся свидетелями его разговора с самим собой. Рассказчики Диккенса рождаются из рассказанных ими историй; как, впрочем, и их автор».

Вот так. Разве я могла устоять? Да, самомнения ему было не занимать, но что с того? Он имел четкое представление,

о чем говорил. Ну и, конечно, мне повезло: я сразу стала его любимицей. В тот вечер он задержался после занятия, чтобы побеседовать со мной; на следующее утро я пришла к нему в кабинет, и мы продолжили дискуссию. А еще через день мы встретились в закусочной «Плаза Дайнер». Я подозревала, к чему все идет, но не раздумывая окунулась в омут с головой. Списав сплетни профессора из Пенроуз на профессиональную зависть, я, тем не менее, не могла не отрицать их обоснованность. Роджер представил меня Джоан на второй неделе нашего знакомства – разве так делают, если хотят переспать с человеком? Джоан мне сразу не понравилась, и я уверена, чувство было взаимным. На ней был такой темно-синий брючный костюм с шарфиком в бело-голубую полосу, как будто она была готова встать за руль своей яхты. Не хватало только капитанской фуражки. Она была тощей, изможденной наружности, до которой некоторые женщины доводят себя в среднем возрасте в попытках убедиться, что находятся на пике своего великолепия. Она была вполне вежлива, но я чувствовала, как вслед любезностям она начала измерять меня взглядом, словно вертела в руках обнаруженную в антикварном магазине статуэтку. Быстро заключив, что я всего лишь обычная дешевка, она поняла, что поводов для беспокойства нет. Мы виделись и после, но каждый последующий раз она делала вид, что меня не замечает.

К чему я веду: мои подозрения относительно Роджера

быстро рассеялись. И никаких видов я на него не имела. Признаюсь, он казался мне невероятно привлекательным. Ни один мужчина его возраста не вызывал у меня такой симпатии. Я не знала его точного возраста, но казался он, по крайней мере, ровесником моей матери, а я никогда не влюблялась в знакомых своих родителей. В целом, я считала их... старыми. Нет, у них, конечно, были достоинства, но, когда я встречалась с коллегами отца, они вели себя отстраненно, были погружены в свои мысли. Немудрено, ведь им надо было думать о работе, семье, ипотеке или кредите на машину. Роджер был совсем на них непохож. Он был... Энергичным, и умел делать так, чтобы тебе казалось, что вся эта энергия сосредоточена на тебе. У него были зеленые-зеленые глаза. Можно было легко вообразить, каково это – встретить взгляд этих глаз. Бытует представление, что, когда женщина заводит отношения с мужчиной, который старше, гораздо старше ее, она подсознательно ищет фигуру отца. А что еще ее может привлекать в нем? Не буду говорить за всех, но в моем случае дело было совсем не в этом. Если бы я постаралась, то, без сомнения, обнаружила бы некоторые параллели между Роджером и своим отцом, но, в том-то и дело, мне пришлось бы приложить усилия, чтобы их отыскать. Папа был спокойным, шутил глупые шуточки, любил спорт, – когда его не стало, больше всего я жалела о том, что он так и не попал на Супербоул или Мировую серию по бейсболу. Он читал, но в основном Джеймса Клавелла и Джеймса Ми-

ченера; ему нравились гигантские многотомники, в которых рассказывалось о космических программах, Аляске или феодалской Японии.

Если у меня и были чувства к Роджеру, то я была уверена, что они были невзаимны, так что отбросила все мысли по этому поводу. И долгое время между нами ничего не было. Я не имела каких-то скрытых мотивов, когда предложила Роджеру вместе посмотреть экранизацию «Николаса Никльби». Забавно. Я до сих пор помню тот день: первое марта. Он казался нервным с того самого момента, как ступил на порог моей квартиры. Я не могла понять, чем вызвано это волнение, пока он не наклонился и не поцеловал меня на прощание. Но какой это был поцелуй... Мои глаза распахнулись, и я подумала: «Ого». Все стало на свои места, или как там говорится. От него пахло вином, которое мы распили за просмотром. Я ответила на поцелуй, и он меня обнял. Мы... В ту ночь он не вернулся домой, и на следующую тоже, и все было хорошо, потому что Джоан на неделю уехала к сестре на Манхэттен. Кто знает, как бы все обернулось, если бы она осталась дома. Хотя нет, это не важно. Я и Роджер – это было неизбежно. Не случись все тогда, случилось бы позже.

В ту первую ночь, когда мы лежали в моей кровати, обнявшись так, как обнимаются люди, впервые познавшие друг друга, я спросила Роджера, так ли он задумывал все перед приходом.

– Нет, – ответил он. – Но надеялся.

- С тобой такое уже случалось?
- Раньше никогда.
- Тогда почему сейчас? Почему я?
- Стоило попытаться, – сказал он.

* * *

К тому времени солнце заступило на свою ежедневную службу, и квартира наполнилась светом. Перед тем, как уехать, полицейский – не тот, что с синяком под глазом, – сказал, что я смогу забрать Роджера и Теда в девять утра. Я подумала, что было бы желание, то могла бы поспать пару часов, но ввиду его отсутствия я направилась в ванную, чтобы принять душ.

* * *

Наши отношения с Роджером вспыхнули как спичка. Мы не могли насытиться друг другом, и меньше всего нас беспокоила осторожность. Наша связь раскрылась через три недели, и, оглядываясь назад, я удивляюсь, как нам удалось так долго сохранить отношения в тайне. Пару раз мы чуть не попались. Ты слышал, что меня и Роджера застала Джоан – «застукала», как она сказала, когда зашла в его рабочий кабинет. Она ахнула и произнесла: «Я вас застукала!» Как геро-

иня второсортной пьесы. Небось, репетировала. Она должна была что-то заподозрить. Роджер с каждым днем все реже появлялся дома, все позже и позже возвращался и выглядел как никогда счастливым. Как она могла не сообразить, что он с кем-то встречается? В этом смысле наши отношения... Я не знаю. На тот момент наш роман был важнее всего на свете. У нас было свое таинство. Все было непривычно и ново, и такое наверняка уже случалось, – сколько сотрудников женились во второй, а то и третий раз? – но не так, как у нас. Не так, как с нами. На ум пришло сравнение с «Джейн Эйр». Я – способная, молодая, независимая женщина, и Роджер – зрелый, сварливый Рочестер, живущий в огромном доме с кошмарной женой. Да, я немного преувеличила, но все же. Если я не могла найти литературный прецедент, точно соответственный нашему положению, то, согласись, это лишь подчеркивало его уникальность.

А потом Джоан обнаруживает нас на раскладном диване в кабинете Роджера, кричит «Я вас застукала!», и я внезапно даже не знаю, что и думать. Может, моя, то есть наша история не так уж и нова. Может, я была героиней не романа, а фарса, – какой-нибудь жалкой пародии на «Пейтон Плейс». Оказывается, у всего есть прецедент. И я ничего не нашла, потому что искала в разделе «Литература», а надо было искать в разделе «Литературный мусор». Не Толстой ли говорил, что Бог – так себе писатель? Другой раз так и хочется согласиться, да?

На Джоан была светлая блузка и коричневые брюки. Она смотрела, как мы пытаемся прикрыться крошечным одеялом; она подросла в нужный момент, произнесла свою реплику и покинула сцену. Роджер застегивал пуговицы на рубашке, когда мы услышали рев мотора «мерседеса». Он рванул к входной двери, но Джоан, вжав педаль в пол, унеслась прочь. Все замерло: Роджер с наполовину застегнутой и незаправленной рубашкой, ни носков, ни ботинок, с протянутой к ручке входной двери рукой; и я, все еще прикрывающаяся одеялом, с волосами, падающими на глаза. Двадцать один день мы жили в своем собственном мире тайн, тайных знаков, тайных, только нам понятных шуток, тайных встреч. И весь остальной мир – который я считала реальным, как бы это парадоксально ни звучало, ведь, оглядываясь назад, все, что произошло между нами, было самой что ни на есть реальностью, – казался нам невероятно далеким. Это было похоже... Если я скажу «на сказку», то не потому, что были сопли и романтика, нет; Роджер староват для роли Прекрасного Принца, да и мои данные вряд ли дотянут до уровня Белоснежки. Но было ощущение, что мы живем в сказке: в мире, где главенствуют правила и законы, отличные от тех, к которым мы привыкли. В этом мире зеркала отвечали на вопросы, а животные разговаривали; в нем существовали гномы, ведьмы и хрустальные туфельки. Когда мы, в конце концов, могли друг от друга оторваться, – как правило, в закуской, – мы обсуждали, куда эти отношения нас приведут.

Мы знали, что столкнемся с последствиями наших действий.
Знали, но, по правде говоря, не придавали этому значения.
«Последствия» были всего лишь словом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.